

УДК 304.44

Кравченко В.В.

Московский государственный областной университет

**ОТ ИДЕОЛОГИИ К ИДЕОПРАКТИКАМ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС В ЭПОХУ ПЛЮРАЛИЗМА**

V. Kravchenko

Moscow State Regional University

**FROM IDEOLOGY TO IDEOPRACTICES:
SOCIO-PHILOSOPHICAL DISCOURSE IN THE ERA OF PLURALISM**

Аннотация. В статье исследуется идеология на основе концепции социокода, его развития, трансформации и трансмутации в одной из трёх основных моделей – новоевропейской. Рассматриваются основные характеристики идеологии. Вводится понятие «идеопрактика», необходимое при анализе принципов социального выживания и деятельности индивидов после краха тоталитарной идеологии, рассматриваемое как трансформация социокода, в сравнении с учением об идеоверзии. В рамках принятой методологии анализируется социальная деятельность Ги Дебора, который трансформировал социокод в аспекте сближения частной идеологии и обыденной жизни.

Ключевые слова: идеология, социокод, трансмутация социокода, идеопрактика, «общество спектакля» и «ситуация» Ги Дебора.

Abstract. This article examines the ideology of social code based on the concept, its development, transformation and transmutation in one of three basic models – the new European. The basic characteristics of ideology are considered. The concept «ideopractice», necessary to analyze the principles of social survival and activity of individuals following the collapse of the totalitarian ideology, is considered as a transformation of the social code, compared with the doctrine of “ideoverzia”. The adopted methodology is applied to the analysis of Guy Debord’s social activity. It was he who transformed social code in terms of private ideology and everyday life convergence.

Key words: ideology, social code, transmutation of a social code, ideopractice, Guy Debord’s “society of the spectacle” and “situation”.

Философ, рождённый в государстве с жёсткой партийно-идеологической системой, переживший его развал и оказавшийся среди неописуемого многообразия теорий, гипотез и мнений в эпоху демократии, невольно задаётся вопросами о существовании общества сегодня, по сути, в новой цивилизационной ситуации. Одной из наиболее сложных проблем является духовное состояние общества после краха единой идеологии.

Понятие идеологии сегодня трактуется с общефилософских позиций, не только в связи с политэкономическим мышлением, характерным для марксизма. В «Немецкой идеологии» сами классики будущей социалистической идеологии выступали с философских позиций – против идеалистических теорий, в которых конкретная человеческая деятельность рассматривается созерцательно [5].

Как известно, рождение самой идеи «идеологии» было связано с главной посылкой – сформулировать общие принципы идей и определить основы человеческого знания. Последователь Дж. Локка А. Дестют де Траси (вместе с Э. Кондильяком) исходил из сенсуализма, в котором предполагалось, что идеи порождаются ощущениями, а до них в

© Кравченко В.В., 2013.

человеческом разуме как бы ничего и не было. Как Локк в новорождённом человеке, так и де Траси во всём обществе видел «чистую доску» (*tabula rasa*), самонадеянно приписывая себе не только способность из собственных ощущений создать новую систему мышления, но и прямо навязать её всему обществу. Не прочувствовав перспективного тренда современной им естественной науки, соединявшей теорию и эксперимент, первые «идеологи» в нарождающейся области социального познания пытались само общество теоретически «разъять, как труп». Император Наполеон, как известно, резко выступал против «идеологии». Конкретный практик и самородный стратег, он сумел уловить главное – невозможность вместить в любую схему стихию исторического процесса.

Итак, создание любой идеологии – это обеднение философского мировоззрения, редуцирование его до ограниченной идеологической схемы, пригодной для распространения во всех слоях общества. Можно рассматривать идеологию как прикладную социальную философию, стремящуюся подчинить жизнь общества рациональному проекту.

XX в. продемонстрировал силу идеологий, использование их в построении тоталитарных государств и систем духовного насилия в обществе. Известный западный философ и социолог К. Манхейм в середине XX в. отмечал наличие двух уровней идеологий – универсальной и частной (индивидуальной). По его определению, индивидуальная идеология – это «совокупность представлений, более или менее осмысляющих реальную действительность, истинное познание которой вступает в противоречие с интересами того, кто предлагает саму идеологию» [4, с. 52].

Современные синергетики объяснили процесс формирования жёсткой социальной системы, накопление в ней обязательной энтропии (в том числе внутреннего

социального протеста) и неотвратимое разрушение любой, даже самой «заорганизованной» социальной общности [10]. Однако после некоторого периода хаоса, согласно той же синергетической теории, неизбежен новый этап самоорганизации общества, не обязательно подчинённого единой идеологии.

В качестве догматического политического конструкта идеология предполагает довольно ограниченный набор средств её социальной реализации. Люди, не допущенные и не стремящиеся в идеологическую «элиту», внешне выполняющие предписанные «ритуалы» и социальные требования, могут жить своей внутренней более или менее свободной жизнью, на опыте доказывая тезис Канта о том, что разумный индивид всегда может «дать закон самому себе» и существовать в любом обществе, исходя из «моральной автономии» собственной личности.

Недолговечность идеологии заложена в ней самой, поскольку она, как теоретический конструкт, не учитывает реальные возможности самоорганизации общества и отлаженные механизмы духовного взаимодействия людей, возможностей их индивидуального духовного существования.

Социально-философское исследование идеологии сегодня наиболее продуктивным представляется в деятельностном аспекте, на основе работ выдающегося теоретика М.К. Петрова, в частности его учения о социокоде. Под **социокодом** Петров понимал основную знаковую реалию культуры, удерживающую в целостности и различении фрагментированный массив знания, расчленённый на интерьеры деятельности и обеспечивающие институты общения [9, с. 39]. Социокод имеет отношение, в первую очередь, к языку, символическим и семиотическим сторонам деятельности. Поэтому социокод – это «бессознательное» культуры, которое усваивается человеком в процессе первичной социализации. Его

сравнивают с генетическим кодом, неявной программой, которая независимо от воли людей проявляется в разнообразных формах общения и деятельности людей, социальных институтах. В истории человеческого общества Петров показал наличие трёх основных социокодов – архаического, традиционного и новоевропейского. Причём они сосуществуют, действуют одновременно; но на каждом этапе развития общества какой-то превалирует, а другие находят применение в разных социальных слоях, на разных социальных уровнях.

В работах М.К. Петрова, связанных с исследованием становления и развития новоевропейского социокода, высказывается предположение о том, что уже со времён античности европейская культура, в отличие от восточных культур, начала развиваться на основе рационализма, абстрактного мышления [7; 8; 9]. Поэтому в духовной жизни античности греческая философия эмансипировалась от религии, а затем, с развитием научно-рационального мышления в эпоху Просвещения, появляется идеология. Для идеологии характерен универсально-понятийный способ кодирования, а следовательно, абстрактно-понятийная деятельность и различные символические практики; при этом их существование не отменяло ни философии, ни религии. Идеологии, как властно-политическая редукция философий, явились трансмутациями европейского социокода, намеренным усечением его историко-культурного объёма, использованием его абстрактно-понятийной структуры в строгом соответствии с рационально выстроенной идеологической программой. При этом неизбежно игнорировался «низовой» пласт выработанных в ходе естественного развития общества форм деятельности, «технологий» и навыков социального выживания, разнообразных форм повседневного общения и т. п.

Петров писал о «нечеловекоразмерности» самой природы политической власти,

утверждая, что «власть всех видов и рангов всю жизнь говорила бесчеловечной прозой <...> Слишком велико наше уважение к порядку и к силам порядка, чтобы без сопротивления согласиться с идеей нечеловеческой, вещной природы власти» [8, с. 509-510].

Идеология не возникает из повседневного опыта людей, а создаётся теоретиками, решающими политические и государственные задачи. В обществе жизнь определяется социокодами, регулирующими разные социальные «этажи», и все они в принципе не могут быть полностью рационализированы. Поэтому каждая идеология, по возможности трансмутируя социокод, дополняет свой набор идей и идеалов определёнными поведенческими и «делательными» образцами, психологическими паттернами, формами «ритуального» общения в сфере управления. С другой стороны, на основе мутированного идеологией социокода вырабатывается особый образ жизни обычных людей, которые реально достраивают к идеологической схеме обыденные связи и взаимодействия, встраиваясь в рамки системы.

Если исходить из концепции М.К. Петрова о специфике европейской цивилизации уже со времён античности на основе ускоренного научно-технического развития [7], то идеологии и понадобились в новое и новейшее время для стабилизации жёстких социокультурных и государственных структур (империя Бонапарта, СССР, фашистские диктатуры и т. д.). Именно идеологии позволяли создавать и традировать мутированные социокоды, которые составляли реальную основу относительной устойчивости государственно-политических режимов.

Появление официальных идеологий, по сути, обусловлено тем, что в обществе существовали аналогичные частные идеологии. Этот факт уже давно проанализировал Гегель, сформулировав известные

положения: «Всё действительно разумно, и всё разумное действительно» и «Каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает». Социокод является источником официальных идеологий, а также необходимым «цементом», который связывает абстрактную официальную идеологию государства и частную идеологию отдельных людей.

Выделим характерные черты идеологии: 1) они опираются на философские или религиозные теории, редуцируя их основные идеи, в первую очередь в политических целях; 2) они всегда утопичны, ориентированы на очередной проект «идеального государства» (К. Мангейм специально рассматривал эту проблему в работе «Идеология и утопия» [4]); 3) идеологические схемы оторваны от обыденной жизни (современный философ Славой Жижек назвал «идеологическим фантазмом» отрыв от реальности самой деятельности, порожаемый идеологией [2, с. 19]); 4) идеологии основаны на абстрактном единстве людей, предполагая однозначность понимания теоретических постулатов; 5) они не предлагают практических путей достижения своих целей и, дополняясь конкретными программами социального действия, постоянно подвержены корректировкам; 6) носителем идеологии выступают руководители партий, государств, общественные деятели; их основная задача – агитация и пропаганда, призванные создать сеть связей, соединяющих абстрактную теорию с живой жизнью; 7) объект идеологии – человек, в силу социально-культурных и исторических обстоятельств вынужденный подчиняться определённым требованиям, вытекающим из некоей идеологической программы.

Что происходит тогда, когда рушится идеологическая система, с её мифами, традициями и авторитетом лидеров и социальный индивид остаётся наедине с самим собой и проблемой индивидуального вы-

живания? Самоопределяясь, он поначалу неизбежно приходит к проблеме социально необходимого и достаточного эгоизма [3, с. 553-554]. Но общество в целом по возможности восстанавливает редуцированные идеологией стороны «нормального» социокода, обращаясь к другим его версиям. Новые частные идеологии получают возможность развития.

Введём понятие «идеопрактики», чтобы исследовать способ существования отдельного человека, оказавшегося в ситуации индивидуального выживания в сложной социальной среде. **Идеопрактика** – это синдром постидеологического социального шока. Она характерна только для граждан с осмысленной частной идеологией, которые официальную идеологию воспринимали как агрессивную, в сравнении с их, частной, или, наоборот, как базисную социальную реальность. Идеопрактика отражает ту реальную ситуацию, что некоторые механизмы идеологического «кодирования», определённая система социальных «автоматизмов» остаются, но на смену «внешней» идеологической схеме, определявшей в целом общеобязательные принципы и модели социального поведения, общения, действия и т. д., приходит само моделирование на основе ограниченного набора «идей» социального выживания.

Итак, идеопрактика – это индивидуальный путь социального выживания, позволяющий человеку ощущать себя личностью, основанный на минимальном комплексе индивидуально значимых идей (смыслжизненных ценностей): физическое и психическое здоровье, личностное и социальное самоутверждение, освоение определённого объёма социальных связей, обретение некоего социального статуса, навыков и т. д. Идеопрактика – это форма жизненного поиска, которая предполагает не открытия чего-то принципиально нового, а освоения данным человеком уже существовавшего в социуме, но ему ранее

неизвестного. В определённом смысле, это обращение личности к широкому спектру культурных накоплений человечества. В условиях глобализации таких возможностей множество. Главная особенность идеопрактики как поиска – в том, что это осознанная деятельность, признаваемая самим человеком необходимой; это его непосредственная жизненная практика «здесь и сейчас», а не «философия жизни», когда размышление является основной «духовной работой». Идеопрактика обоснована немногими прочувствованными идеями, определяющими реальный смысл и возможную цель существования. Часто они могут быть сведены к простым формулам, имеющим позитивную или негативную окраску. Например: «Ешь, молись, люби»; «Всё, что нужно – это любовь»; «Войди в поток и доверься судьбе»; или: «Так жить нельзя»; «Я ничего не хочу»; «Мне всё безразлично»... Эти комплексы идей можно развернуть в широкую философскую программу и при определённых условиях положить в основу новой идеологии.

Идеопрактика отличается от жизнетворчества. Последнее – это род изобретения, создание чего-то небывалого, того, «как люди не жили». Великие религиозные учителя оставили миру не только великие философские системы, но и уникальные примеры жизнетворчества. А верующие, воспринимая основные заповеди своей религии, могут сформировать собственные идеопрактики.

Идеопрактика может рассматриваться как социальный срез «идеоверзии». Это понятие было введено известным психологом, культурологом и антропологом Т. Шварцем. Он рассматривал каждого члена социокультурного сообщества как носителя фрагмента культуры, обладающего набором имплицитных конструктов (способов существования и действия), который Шварц назвал «идеоверзией». Это и индивидуальная «порция» культуры, и

результат социально-культурного опыта индивида в процессе его жизни. Социальная структура, по Шварцу, влияет на формирование и реализацию индивидуальных конструктов, в свою очередь, являясь результатом существования «культуры-в-процессе» [12, с. 329-330].

В ситуации отсутствия жёсткой официальной идеологии с её предсказанным набором индивидуальных конструктов, идеопрактика формируется как «оцеленная» индивидуальная деятельность в соответствии с неким набором идей о необходимости или возможности определённых форм поведения, общения и деятельности. Таким образом, идеоверзия – это культурно-антропологическое рассмотрение потенций социокультурного индивида, а идеопрактика – это социальная характеристика его активности, имеющая конкретный смысл для изменения социокода данной общности, причём не только в политической, но и в социальной, художественной, научной и других областях.

Для того чтобы показать универсальность появления идеопрактик не только в условиях крушения тоталитарной идеологии, но и при наличии идеологического плюрализма для творчески активных индивидов, обратимся к социально-творческой биографии неординарного мыслителя, общественного деятеля и представителя авангардной французской культуры середины XX в. Ги Дебора (1931–1994).

Ги Дебор в своей частной идеологии противостоял политической линии Ш. де Голля, которую воспринимал как идеологически агрессивную и неприемлемую для французской молодёжи и творческой интеллигенции. Как теоретик, он пытался создать новую революционную идеологию, и его идеи во многом определили события Красного мая в Париже 1968 г.

В аспекте нашего исследования можно подчеркнуть, что Дебор пытался трансформировать европейский социокод, вы-

страивая новую молодёжную идеологию. Действительно новаторским в круге идей Дебора был концепт «общества спектакля» [1], который, однако, он так и не оформил в более-менее стройную философскую теорию. Последователи Дебора были вынуждены «достраивать» теоретическое построение Дебора о капитализме как иллюзорном и насквозь потребительском «обществе спектакля» (см., напр., теорию «инфотеймента» Д. Келлнера [11]; о сопоставлении концепций Дебора и Келлнера см. [6]). Студенты и революционизированная молодёжь, увлечённые лозунгами «Скука контрреволюционна», «Под булыжниками мостовой – пляж!», «Поэзия на улицах!», должны были дополнять идеи Дебора социальными практиками – в области профсоюзной работы и студенческих выступлений.

Итак, предложенная Дебором трансмутация европейского социокода была подхвачена молодёжью. Но Дебор быстро отступился от пропаганды своего творческого детища – ситуационистского интернационала, остановившись на создании теоретического «Манифеста ситуационистов».

Идеоверзия Дебора способствовала формированию начал новой идеологии. Но он видел в ней форму социальной «игры», смысл которой – в отсутствии определённых правил и спонтанном «социальном творчестве», излечивающем от обыденной скуки. По существу, Дебор покушался на тысячелетний социокод, построенный на усвоении правил и автоматизмов. Хотя, исходя из концепции М.К. Петрова о сложном пути становления европейского социокода [7; 9], можно говорить о “пробуждении” в генной памяти Дебора жизненных принципов пиратов и искателей приключений, представлявших жизнь как вечную азартную игру без правил.

В то же время Дебор ввёл понятие «ситуации», которое определял как «момент

жизни, являющийся итогом осознанного коллективного провоцирования, обладающий уникальной атмосферой» [1, с. 175]. Это свидетельствует о повороте в создании современных идеологий, не отрывающихся от обыденности, а стремящихся её концептуализировать. Борясь с повседневной рутинной, Дебор отрицал унифицирующий характер повседневной стороны социокода, стремясь превратить обычную жизнь в бесконечный карнавал. Утопизм Дебора проникал в самые основы социального существования, привлекая изобретательную молодёжь, но обрекая все «идеи» на незавидный статус сиюминутной забавы; а бесконечная лёгкость социальной игры лишала общество реального существования.

После крушения надежд на создание личной идеологии Дебор обратился к разработке целой серии глубоких, тонких и разнообразных идеопрактик в художественно-эстетическом творчестве. Его новаторский киноязык совмещал создание «ситуаций» для зрителя, превращавших просмотр в род социально-художественной пропаганды, с оригинальными приёмами авангардного кино.

Таким образом, можно констатировать новый этап в развитии европейского социокода, который связан с формированием жёстких идеологий, трансмутацией социокода под их воздействием, а затем – после неизбежного краха тоталитарных идеологий – разнообразными трансформациями социокода в целом ряде идеопрактик.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дебор Г. Общество спектакля. – М.: Логос, 2006. – 224 с.
2. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999. – 236 с.
3. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 693 с.
4. Манхейм К. Идеология и утопия// Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 52-95.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. – 619 с.

6. Михайленко С.Б. “Спектакль” и “медиаспектакль”: философские модели анализа современного общества / Вестник МГОУ. Серия “Философские науки”. – 2012. – № 4. – С. 85–87.
7. Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. – М.: РОССПЭН, 1995. – 140 с.
8. Петров М.К. Историко-философские исследования. – М.: РОССПЭН, 1996. – 512 с.
9. Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
10. Синергетическая парадигма. Социальная синергетика: сб. ст. // ред.-сост.: Буданов В.Г., Астафьева О.Н., Василькова В.В. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 688 с.
11. Kellner D. Media spectacle. – NY: Routledge, 2003. – 208 p.
12. Schwartz T. Anthropology and Psychology // New direction in Psychological Anthropology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 54–67.